338
Г.В. Плеханов – П.Б. Аксельроду

1898, 12 февраля[1]
Женева

Дорогой Павел,

твое письмо[2] меня очень обрадовало, так как мне тоже хотелось потолковать с тобой, хотя и по другому поводу. Когда я изложу тебе в конце письма свои соображения и сомнения, ты увидишь, почему я отнесся к происходящему теперь во Франции с гораздо меньшим вниманием, чем ты. Ты, мне кажется, не совсем справедлив в своем отношении к французам. Положим, все дело Дрейфуса есть какое-то удивительное сплетение интриг и гнусностей. Лично я – не знаю почему – убежден в том, что Дрейфус не виноват. Можешь поэтому представить себе, как я отношусь к его судьям. Но согласись, что несправедливый приговор мог бы быть произнесен везде, и почти везде он прошел бы без всякого почти протеста (пример: дело Оскара Уайльда[3] в Англии). Только во Франции нашлась нравственная возможность поднять целый поход для освобождения невинно осужденного человека. И этот поход увенчается успехом, не теперь, так через два месяца, не через два месяца, так через год. Поведение Жореса и Геда (ты, вероятно, читал статью Геда по этому поводу), по-моему, безукоризненно[4]. Ну, а что находятся ослы и негодяи, кричащие à mort Zola[5]! и т.п., то ведь как же не найти несколько сот негодяев в городе с двухмиллионным населением? Ты скажешь: а что же делает, чего смотрит это двухмиллионное население? Этот вопрос и меня несколько смущает. Но мне кажется, что рабочие не вмешиваются в дело, считая его une «affaire bourgeoise»[6]. Это, конечно, точка зрения неправильная: невинного надо защищать даже и тогда, когда он буржуа, но припомни, как нагадила и насолила рабочему французская буржуазия, и ты сам согласишься, что эта неправильность простительна[7].

Так мне хочется думать; но я знаю, что немало есть фактов, говорящих против моего мнения и в пользу твоего. Поведение французов во время пребывания царя в Париже было действительно позорно[8]. Как бы там ни было, но Золя – молодец, и я очень рад выразить ему свое сочувствие, хотя сочувствие социалистов едва ли ему дорого. Мне кажется, что лучше будет написать ему сочувственное письмо от имени русских социал-демократов за границей. Кому подписаться под ним? Не знаю. Об этом надо подумать. Время еще есть, так как удобнее подождать конца процесса. Золя, наверное, будет осужден, и это вызовет новый взрыв сочувствия к нему со стороны всех беспристрастных людей, тогда и мы заговорим вместе с другими.

Что касается сомнений, одолевавших меня в последнее время, то они вызваны были статьями Бернштейна в «Neue Zeit» и «Vorvärts»'e[9]. Особенно сильное впечатление произвела на меня вторая статья его против Бельфора Бакса. Ведь это полное отречение и от революционной тактики, и от коммунизма. Нечего сказать, очень кстати пришлись эти статьи в 50-ую годовщину «Манифеста Коммунистической партии»[10]. Я чуть не заболел от этих статей; всего досаднее, что Бернштейн кое в чем прав: так, например, на близкое осуществление социалистического идеала, разумеется, нельзя рассчитывать[11]. Но истиной можно пользоваться для разных целей; Бернштейн пользуется ею для того, чтобы поскорее украсить себя филистерским колпаком[12]. Или филистер-то и есть Normalmensch[13] будущего? От этого вопроса у меня мороз пробегает по коже, и

мне хочется сказать с Гоголем: скучно на этом свете, господа! Хочу допросить Каутского, как он обо всем этом думает. А ты как думаешь? Напиши, пожалуйста, меня этот вопрос мучает неотступно.

Кстати, надо бы сделать новое, юбилейное издание Манифеста, тем более что у нас нет ни одного экземпляра[14]. (Если у тебя есть несколько лишних экземпляров, пришли их мне, они очень нужны.) Деньги у нас в кассе теперь есть: недавно из Германии один россиянин прислал 380 франков, да Соскис обещается прислать 300 франков или даже больше, если я напишу введение к Манифесту. Я согласен, но прошу, со своей стороны, чтобы «Союз» назначил мне франков 100 или даже 150 на книги: чтобы написать дельное введение, нужно многое перечитать, прочитать и передумать. Я надеюсь, что «Союз» согласится на это: ведь он ничего не потеряет на этой операции. Если ты думаешь так же, то поговори с Верой и спишись с Гинсбургом, а если ты думаешь так же[15], то вышли мне, в ожидании получки денег, второй том Сиднея Уэбба («Theorie und Praxis der Gewerk-vereine»)[16], он, наверное, есть в Вашей Volksluchhandlung[17]: ты меня этим очень обяжешь. Ну, пока до свидания, поклонись Вере Ив[ановне] и всем своим.

Твой [Г. Плеханов]

Посылаю письмо без марки, ибо очень поздно: все заперто.

РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ч. 1. Ед. хр. 11. А 10.51. Л. 1–5. Автограф. Опубл.: Переписка Г.В. Плеханова и П.Б. Аксельрода. Т. 1. М., 1925. С. 187–191; Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1973. Т. 2. С. 304. Публикуется по автографу.

Примечания

[1] Датируется по почтовому штемпелю отправления на конверте.

[2] См. док. 337.

[3] *Оскар Уайльд* – английский писатель. В 1890-е гг. практически все творчество Уайльда сопровождалось громкими общественными скандалами. Первый из них возник при появлении «*Портрета Дориана Грея*», когда широкое обсуждение романа свелось к обвинению автора в безнравственности. В 1897 г. он был осужден по обвинению в преступлении против нравственности на два года тюремного заключения.

[4] *Позиции Геда и Жореса в деле Дрейфуса далеко не были тождественны: в то время как последний со всей силой своего темперамента бросился в бой за пересмотр дела, Гед рекомендовал своим единомышленникам лишь использовать это дело в интересах борьбы с реакцией и милитаризмом, рассматривая это дело как склоку внутри буржуазного лагеря. Первоначально Плеханов поддерживал тактику Геда, но потом пересмотрел свое отношение к ней.* – Прим. Б.И. Николаевского.

[5] Смерть Золя! (*фр.*).

[6] Только «буржуазным делом» (*фр.*).

[7] *О переживаниях Г.В. Плеханова во время процесса Дрейфуса Розалия Марковна припоминает следующее. Она читала вслух Георгию Валентиновичу французскую газету, в которой описывалось унижение несчастного французского офицера. Знаки отличия, эполеты, шнуры и т.д. срывались с него со злобой и ненавистью, и блестящий офицер в несколько минут превратился в какого-то арлекина, на котором болтались оборванные фалды, нитки, тесемки. Картина даже при чтении была так тяжела, что у Розалии Марковны вырвалось: «Лучше было бы, если бы его прямо приговорили к смертной казни, чем пережить такой ужас». Когда же дошло до места, где несчастный Дрейфус, жалкий, в лохмотьях, твердым голосом обратился к присутствующим на площади корреспондентам газет со словами: «Dites à la France que je suis innocent» (Скажите Франции, что я не виновен – фр.), а те, к которым он обратился*

с этими словами, ответили ему грубо с ненавистью: «Tais toi, traitre» (Замолчи, предатель – фр.), то почти одновременно у Розалии Марковны и Георгия Валентиновича вырвались слова: «Этот человек должен быть невинен». Казалось, что нужно иметь большую веру в свою невиновность и в то, что рано или поздно откроется правда, чтобы выдержать, не согнувши спину, такое нечеловеческое издевательство.

Потом в течение всего процесса и Георгий Валентинович, и вся его семья лихорадочно следили за тем, что происходило во Франции. Плеханов часто сильно волновался по поводу этих событий. Его удивляла холодность Геда: он находил, что Гед и Французская рабочая социалистическая партия делают двойную ошибку: во-первых, по отношению к человечеству тем, что они не становятся на защиту попранной человеческой личности, что, говорил он, должно быть обязанностью социалистической партии каждой страны; другая ошибка – это ошибка в тактике Французской социалистической партии. Плеханов находил, что не Жоресу и жоресистам, которые тогда еще не были марксистами, надо было уступить честь заступничества за Дрейфуса, невиновность которого вполне выяснилась после письма Золя «J'accuse!..» и после выступления Шерера-Кестнера. По мнению Плеханова, французская рабочая партия была обязана воспользоваться этим процессом для агитации против военной клики и прикрывавшего ее французского правительства. Розалия Марковна припоминает, что в этом смысле Георгий Валентинович писал Геду, и она надеется, что в архиве Геда найдется это письмо. Но Гед и Французская рабочая социалистическая партия не находили нужным сделать из процесса Дрейфуса свое пролетарское дело, и Георгий Валентинович находил нетактичным указывать французским товарищам и их славному вождю на их обязанности. Розалия Марковна думает, что только этим можно объяснить внешнюю холодность Плеханова. В действительности он страстно и болезненно переживал эту позорную страницу французской истории. – Прим. Б.И. Николаевского.

[8] См. прим. 12 к док. 337.

[9] *В № 16 (от 5.I.1898 г.) и № 18 (от 19.I.1898 г.) «Die Neue Zeit» и в газете «Vorwärts» (№ 23 от 28.I.1898 г.) были помещены статьи Э. Бернштейна «Der Kampf der Socialdemokratie und die Revolution der Gessellschaft». Эти статьи, направленные против Бельфора Бакса, принадлежали к знаменитой серии статей Э. Бернштейна «Probleme des Socialismus». Во второй, наиболее огорчившей Г.В. Плеханова, статье, озаглавленной «Zusammenbruch-Theorie und die Kolonialpolitik», Э. Бернштейн пытался доказать устойчивость мелкого производства и ошибочность прежних представлений о неизбежности крушения капитализма. На статьи Э. Бернштейна в «Die Neue Zeit» и «Vorwärts»'е откликнулся небольшой заметкой анонимный автор, который изложил положения статей Бернштейна и указал на имеющиеся в них неясности и недоговоренности. Э. Бернштейн в ответ на это напечатал в № 32 (от 8 февр. 1898 г.) «Vorwärts»'а небольшое разъяснение – «Erklarung».* – Прим. Б.И. Николаевского.

[10] *«Манифест Коммунистической партии»* – первый программный документ научного коммунизма, в котором изложены основные идеи марксизма, написан К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1847 г. по поручению II конгресса Союза коммунистов в качестве программы этого союза. Впервые «Манифест» был издан в 1848 г. в Лондоне на немецком языке. Первое русское издание «Манифеста» вышло в 1869 г. в Женеве в переводе М.А. Бакунина. В 1882 г., также в Женеве, было отпечатано новое русское издание в переводе Г.В. Плеханова с предисловием К. Маркса и Ф. Энгельса.

[11] Во второй статье «Zusammenbuch-Theorie und die Kolonialpolitik» Бернштейн доказывал ошибочность основного марксистского положения о неизбежности крушения капитализма.

[12] *Филистер* (*нем.* Philister обыватель) – человек с узким обывательским кругозором и ханжеским поведением. Филистерский – обывательский, свойственный филистеру.

[13] Нормальный, обычный человек (*нем.*).

[14] Г.В. Плеханов говорит о собственном переводе на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» (Женева, 1882), который был издан «Русской социально-революционной библиотекой». Новое издание «Манифеста» с большим предисловием, о котором мечтает Г.В. Плеханов, удалось выпустить только в 1900 г.

[15] Так в оригинале.

[16] Речь идет о книге: *Webb S., Webb B.* Theorie und Praxis der Englischen Gewerkvereine (Industrial Democracy). Bd. 1–2. Stuttgart, 1898 (немецкий перевод книги, изданной в Лондоне в 1897 г.). Оба тома имеются в библиотеке Г.В. Плеханова (РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 7. Ед. хр. А 1160 / 1–2).

[17] Народной библиотеке (*нем.*).